

MINICITID

ОБЩЕСТВО БЕЗ БОГА – ОБРЕЧЕННАЯ ИДЕЯ

Амангелды АЙТАЛЫ, философ, Член подкомиссии по методологии Государственной Комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий

30 мая 2020 года в своем обращении Глава государства Касым-Жомарт Токаев по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода подчеркнул, что политические репрессии 20-50-х годов XX века – печальная страница в истории нашего народа.

Репрессии – насильственная мера, применяемая государственными органами по отношению к отдельным гражданам или целым категориям населения. Причем они охватывают собой в массовом порядке все сферы жизни общества. Если политические репрессии преследовали людей в основном по ложным политическим мотивам, то экономические репрессии выражались в конфискации собственности, насильственном лишении скота, хлеба. Идеино-культурные репрессии проявились в гонении за литературные произведения, театральные постановки, научные труды, а территориальные репрессии – насильственное выселение с места жительства. Переименование исторических названий населенных пунктов, географических названий можно условно отнести к ономастической репрессии.

Духовная репрессия – это преследование деятелей религиозных организаций, национально-религиозных традиций, антирелигиозная пропаганда, ослабление религии, ее умерщвление, чтобы подорвать духовные устои народа.

В идеологии большевиков в будущем «счастливом» обществе никакого места для религии не было. Уже первые декреты советской власти заложили основы общества без бога. Поскольку Русская православная церковь шла рука об руку с властью, большевики конфисковали церковное имущество в пользу советского государства. Закон Божий в образовательных учреждениях из обязательного предмета стал факультативным, финансирование духовных учебных заведений было прекращено. Наконец, все учебные заведения духовного ведомства в дальнейшем были закрыты.

В феврале 1918 года был принят «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». Отменялись религиозные обряды, противоречащие правовым установлениям большевиков.

После революции большевики не раз заявляли о том, что европейские страны, провозгласив принцип отделения религии от государства, не довели его до конца, потому что европейская буржуазия была зависима от духовенства. Теперь большевики принялись доводить его путем радикальных действий до конца, ликвидировав классовые корни религии. Вопрос о древних культурных и духовно-психологических основах религии считался бессмысленным. Так была провозглашена политика воинствующего атеизма. Она не допускала дискуссии, обмена мнениями, диалога, не говоря о научной критике или возражении. Патриарх Всея Руси Тихон обнародовал воззвание: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы». Но для советского государства религия имела исторически преходящий характер, ведь, по мнению партийных идеологов, она неизбежно отмирает с ликвидацией эксплуататорского класса.

Широкие массы кочевого населения вряд ли могли понять декреты советской власти о религиозной политике, но ожидали демократические, справедливые условия жизни для мусульман.

Антиисламская политика в Казахстане началась задолго до советской власти с колонизацией его русским царизмом. Царская администрация пыталась казахов обратить в православие, стимулировала этот процесс материальными льготами наравне с православными. Государство стремилось жестко контролировать действия мусульманских деятелей, пресекало их участие в национально-освободительном движении.

На рубеже XIX–XX вв. в общественной жизни происходили глубокие изменения, укрепилась позиция ислама, росла религиозность населения, казахская молодежь обучалась в мусульманских учебных заведениях за рубежом. Эта ситуация насторожила колониальную власть, которая

подозревала казахов в симпатии к панисламизму и пантюркизму. Действительно, Османская империя пыталась объединить всех мусульман мира в единое государство на принципах ислама. Но незначительная часть интеллигенции чувствовала духовную связь с исламским и тюркским миром. Всё же это привело к особой подозрительности со стороны правительства: резко сократилось количество лиц, совершающих хадж в Мекку, была ограничена деятельность мусульманских просветительских обществ, жестко контролировалась система образования. Дело дошло до того, что царское правительство оскорбляло религиозные чувства мусульман с требованием повесить в мечетях портреты царя и генерал-губернатора, предлагалось убрать из Корана суры, где встречаются слова «кафир» (иноверцы), во время чтения Корана за мусульманами следили полицейские, создавались административные учреждения, осуществлявшие надзор над медресе.

Антиисламские действия вызывали волну протестов. Начались публичные митинги, степняки присоединились к тем, кто говорил о свободе вероисповедания. Лидер казахской интеллигенции начала XX века, тогда член партии кадетов Алихан Букейханов писал: «Киргизы (т. е. казахи) впервые услышали из уст русских подобные речи, и тем был заложен краеугольный камень будущего сближения обоих народов».

В обращении СНК РСФСР ко всем трудящимся мусульманам России и Востока было обещано: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеет право на это».

В политической лексике того времени казахов и других тюркских народов называли «мусульманскими народами», а республики – «мусульманскими республиками». При этом имелось в виду, что народы, исповедующие ислам, живут на территории распространения исламской религии. Несомненно, ислам был системой, регулирующей многие сферы жизни: семью, быт, право, образование, словом, образ жизни. В свою очередь ислам нашел социальную опору среди значительной части казахского общества. В условиях колониальной зависимости ислам был не только верой, но и охранителем национальных ценностей. Тождественность этнической и религиозной идентичности сформулировала своеобразный сплав этнокультурных и религиозных факторов. В определенном смысле можно говорить о мусульманском национализме в позитивном смысле этого слова.

Кроме того, классовые грани были размыты, носители религиозного сознания в анкетах вместо национальности иногда указывали «магометанин».

С самого начала отношение советской власти к исламу было непоследовательным. Чтобы рассеять былые обиды и недоверие, советская власть объявила себя светским государством, уважающим религиозные убеждения всех граждан. Из 140 млн населения России к 1920 году нерусских было 65 млн, а 25 млн были тюркскими народами, мусульманами, проживающими в основном в Средней Азии, на Кавказе и в некоторых регионах России.

Казахи и другие мусульманские общины (узбеки, каракалпаки, уйгуры) образование национальной автономии и создание новой государственности связывали с укреплением ислама. Это была разумная надежда с точки зрения этнокультурного и религиозного возрождения. Им импонировала идея о социальной справедливости и равенстве. Опасаясь недоверия, советская власть оказала уважение по отношению к верующим, требовала пресечения чрезмерных административных мер. Работники государственных органов пытались убедить мусульман, что антирелигиозная политика направлена не против ислама вообще, а против конкретных людей или групп лиц. Идя на компромисс с исламом, проявляя терпимость, большевики предупреждали о недопустимости излишнего либерализма. В идеологической работе религия преподносилась как оплот духовенства, вообще богатых слоев. Главной стратегической задачей все-таки оставались ослабление влияния религии и религиозных деятелей и постепенная адаптация населения к атеизму. Мусульмане в этих условиях испытывали двоякое идеологическое воздействие. Критикуя ислам, коммунисты в то же время восхваляли Коран, выдавая себя тем самым за защитников мусульман. Мусульманских деятелей принимали то за распространителей невежества и суеверий, то считали их людьми, пользующимися уважением и доверием среди населения, благодаря уму и честности.

Противоречивая политика поставила лидеров мусульманского духовенства перед необходимостью искать сближения с социализмом. 20 января 1920 года мусульманский деятель Фахретдин Камалетдинов обратился к советским органам Семиреченской области о сотрудничестве от группы мусульман: «Свобода, Братство, Равенство; слова шариата и большевизм в сравнении, их стремление и цель одна. Статья и идеи тюрков: 1. Исполнять закон Божий; 2. Справедливость со стороны стоящих у власти; 3. Всему народу сомкнуться в тесную связь. В

соблюдении вышеуказанных трех правил народы всего мира могут достигнуть своей цели».

Автор письма глубоко сожалеет, что вышестоящие органы возвышают большевизм и принижают священное писание – Коран. Он уверен, что единство ислама и большевизма спасет общество от розни, вражды, спасет мусульманские нации от вымирания. Это общечеловеческий идеал мира и согласия.

Противопоставление общества по классовым признакам отрицательно сказывается на его единстве, раскалывает на богатых и бедных, верующих и неверующих. Духовные деятели обращали особое внимание на то обстоятельство, что борьба с исламом равносильна борьбе против национальной культуры. Если вдуматься, есть много общего между социализмом и исламом: коллективизм, приоритет интересов общины, забота о равенстве, социальная защита бедных, о семье и детях, социальная справедливость. Однако предубеждения, основанные на узко клановых позициях, несовместимы были с общечеловеческими ценностями. Гуманистические идеи ученого-теолога и его единомышленников не были услышаны.

Мусульмане, испытавшие на себе антиисламскую политику царского правительства, антирелигиозную пропаганду советских пропагандистов, принимали как продолжение курса прежней власти, а это еще более укрепляло внутринациональное единство. Поэтому в борьбу против ислама направлялись казахи-коммунисты. Но по религиозным ориентациям они были неоднородны. Одни из них были верующими, ибо в отдельных случаях членство в партии не связывалось с атеизмом, другие придерживались мягких либеральных позиций, мотивируя это тем, что народ не созрел для восприятия атеизма, третьи были горячими сторонниками атеизма, более радикальных методов.

На начальных этапах социализма отмечается активизация конфессиональной жизни. Примечательно, что идея отделения религии от государства в патриархальной среде, где не укоренились еще советские порядки, не сработали.

Организационное оформление мусульманского духовенства берет свое начало со времени II Всероссийского съезда мусульманства, состоявшегося в 1923 г. в городе Уфе, на котором присутствовали представители Казахстана. Местные духовные общины выдвигали служителей культа зачастую по родовому признаку при активном участии советских органов и коммунистов. К 1927 году в Казахстане

оформилось 55 мухтасибатов, которые разделяются по губерниям и округам.

Мухтасибаты занимались подготовкой кадров через медресе, переподготовкой духовенства. Кроме религиозных дел, стали органами управления делами детей и молодежи, образования, благотворительности, семьи, собственности. Советские работники в этих условиях согласовывали свои действия с мусульманскими общинами, действовавшими во всех областях Казахстана и объединявшими служителей ислама разных национальностей. В республике насчитывалось несколько десятков религиозных школ, где изучались и светские дисциплины. Строились мечети, действовали шариатские суды.

Конфессиональная активность отмечалась особенно на юге республики. Но верующие на всякий случай признавали и власть партии. На вопрос: «Вы верите в Бога?» они отвечали: «Мы все верим в Бога, мы ходим в мечети, никто не запрещает читать Коран, мы уважаем партийный комитет и Бога не забываем. Тот, кто забыл Бога, нехороший человек. Я думаю, что Ленин уважал тоже Бога».

Активизация ислама внушала опасения властям. Идеологическое воздействие на верующих было малоэффективным, а авторитет духовенства возрастал.

В очередном обзоре Крайкома партии большевиков Казахстана о деятельности мусульманского духовенства партийные органы признавали не только социальный, идеологический, но и политический авторитет мусульманских деятелей: «Казахское духовенство в большой своей массе по религиозному укладу близки к консервативному течению, но в силу сохранившихся среди него в значительной степени пережитков родовой общности и очень часто доминирование последнего над религиозным моментом, определение его только, как представителя религиозного культа, утрачивает свою силу, при оценке его как политического объекта».

Священнослужители не боролись против власти большевиков, но отстаивали традиционные ценности, против которых боролись большевики. За лидерами духовенства стояли вековые ценности, поэтому они были неудобными противниками, против которых устроителей общества без Бога не было аргументов и не могло быть.

Логика противостояния традиционного ислама и большевистской идеологии диктовала им необходимость жестких силовых мер.

Известно, что атеизм как идеологическая основа в основном возник в европейской культуре как оппозиция христианству. Сегодня это либеральный атеизм, основной целью которого является не преследование и даже не критика религии. Основной деятельностью его апологетов является научное толкование природы, общества, формирование познавательных и творческих способностей человека, а затем уже ведение дискуссии с религией. Либеральные атеисты уважают верующих и не призывают их отказаться от своего миропонимания.

«Государственный атеизм» советского типа ассоциируется только с крайне упрощенным материализмом, а европейские атеисты являются философами-идеалистами, такие как Ницше, А. Камю, Ж.-П. Сартр и Р. Рассел. Понятие атеизм не носит отрицательного смысла, поскольку имеет глубокие цивилизационные истоки.

Большевики руководствовались идеей отмирания религии. Религия по марксизму как «превратное сознание», «дух бездушных порядков», «сердце бессердечного мира», «опиум народа» прикрывает жестокую правду насилия и эксплуатации человека человеком. Она в классовом обществе утверждает его богоустановленность, направляет энергию на обретение «царства небесного» и противопоставляет социализму как построению достойной жизни на этой земле. Общество созревает в процессе исторического развития для того, чтобы ликвидировать «превратный мир». Одностороннее выпячивание классового фактора и сдерживание в его рамках национальных и духовных начал обедняли содержание духовной жизни. Национальная культура при этом постепенно теряет самобытные черты, а ислам перестает быть этнообразующим фактором.

Жесткая доктрина безбожья строго контролировала не только религию, но и все сферы жизни.

Под предлогом, что население их не посещает закрывались мечети, медресе, церкви, хотя люди боялись их посещать. Каждая закрытая мечеть или церковь была расценена как большая победа атеистов и как пробуждение народа и обретение им свободы. Закрытые мечети и церкви приспособлялись под клубы, складские помещения. Установление красного флага на минаретах мечетей и куполах церквей стало широко распространенным явлением. Оскорбления и нападки на верующих во время богослужения стали чуть ли не рядовым событием. Казахи не без зависти слушали разговоры бродячих мулл о справедливости в Турции и в других мусульманских странах.

Система образования была полностью подчинена требованиям большевистской идеологии, пересмотрены программы школ, педагогических учебных заведений, рабфаков, были введены антиисламские темы.

Издавалась большим тиражом на казахском, русском, узбекском и других языках антирелигиозная литература, которая в основном распространялась бесплатно.

Требовалось в массовом порядке отказаться от национальных обычаев и традиций. Исламские и народные праздники были отнесены к праздникам богатых людей.

Добровольные пожертвования (зьякет) людей, которые на протяжении веков органично слились с национальными обычаями, расценивались как незаконные поборы.

Жестко преследовались литературные и музыкальные произведения, репертуары театров, содержание научных работ на религиозные темы. В учебных заведениях ставились антирелигиозные спектакли.

Организовались антирелигиозные митинги, фестивали в городах и районных центрах, вечерние университеты марксизма-ленинизма, курсы переподготовки советских и партийных работников.

В ходе судебной реформы были распущены суд биев и шариатские суды, игнорировались нормы обычного права казахов. Советские суды формировались людьми, далекими от национальных и духовных традиций, многие плохо владели не только нормами законодательства, но и казахским языком.

Жестокая доктрина безбожья напоминала средневековую инквизицию. В постсоветской литературе имеет место упрощенная трактовка роли народа в трагические периоды истории. Это особенно уместно по отношению к религиозным деятелям, в частности, и мусульманских, которые были не только объектом репрессий, но и активным субъектом, защитником национальной самобытности.

Обычно считают ислам защищающей религией. Уважающей национальные традиции, образование и культуру. Противостояние духовных лидеров носило сугубо мирный, практичный характер, связанный с повседневной жизнью. В некоторых случаях разгневанные советскими чиновниками мусульмане прибегали и к открытому сопротивлению.

Среди духовных лиц были просвещенные, понимавшие необходимость культурных преобразований, разделявшие политику советской власти, но были против перехода с арабского алфавита на латинский, расценивая лингвистическую реформу как политическую.

Свободные от узкого прагматизма духовные активисты, в том числе и представители культуры, как поэт, религиозный мыслитель Шакарим Кудайбердиев (1858–1931), погибший от рук чекистов, мужественно защищали свои мировоззренческие позиции.

20–30-е годы XX века ознаменованы крупными поворотами на историческом пути казахов и других народов к социализму. Форсированное вовлечение степняков в индустриализацию, коллективизацию, культурные преобразования сопровождалось ломкой естественного устройства жизни, трагическими потерями, голодом, иммиграцией за пределы республики.

Теологи справедливо утверждают, что подобно физическому закону сохранения и превращения энергии в природе существует закон сохранения энергии и в духовной жизни. Казалось бы, массовые репрессии не оставляют места для религиозности. В умах людей преобладали апатия, безнадежность. Но эти настроения привели к росту религиозности, к объединению верующих. Религия переместилась в сферу семейных традиций и обычаев, ушла в подполье.

Приверженность к этнокультурным традиционным ценностям в то время рассматривалась как отставание сознания от наступившего социалистического бытия. Многие партийные работники настолько были уверены в идее отмирания религии и старались максимально приблизить ее собственными усилиями. Эта идея общества без бога была изначально обречена на провал, ибо большевики посягнули на высшие цивилизационные ценности.

Немецкий философ Карл Ясперс в своей книге «Смысл и назначение истории» писал: «Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее. Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что все это действительно происходило».

Возвращение народа к исламу сегодня сопровождается весьма сложными противоречивыми процессами.

Общество не освободилось от чрезмерной подозрительности, привычек топорного атеизма. Негативный опыт прошлого еще не стал уроком. Зачастую здоровое стремление к традиционному исламу расценивается как экстремизм, а духовенство медленно адаптируется к новой религиозной ситуации.

Амангельды Айталы был активным автором нашего журнала. Имея огромный опыт работы в сфере образования и науки, солидные практические и теоретические знания, академик, доктор философских наук, неоднократно представлявший обширный западный регион страны в Парламенте РК, готовил для наших читателей глубокие по содержанию статьи, в каждую из них вкладывал душу. Он жил думой о будущем своей страны. Радовался ее успехам, огорчался неудачам. Светлый образ Амангельды Абдрахманулы останется в наших сердцах. От имени Редакционного совета выражаем соболезнования его родным и близким.

MINI.CITID